

Любовь ШАШКОВА

ПРОЩАЛЬНАЯ ПЕСНЬ КОЧЕВЬЮ

О новом переводе романа Мухтара Ауэзова «Путь Абая»

Эпопея Мухтара Ауэзова «Путь Абая» – это не только история кочевого народа в девятнадцатом столетии, это образ народа, воссозданный через образ главного героя романа – поэта Абая. Уникальное, может быть, единственное в своем роде явление в мировой литературе. Одним из главных событий, произошедших в литературной, культурной и общественной жизни в годы независимости Казахстана, стал изданный к 110-летию классика мировой литературы М. О. Ауэзова Международным фондом имени Мухтара Ауэзова новый перевод на русский язык романа «Путь Абая» (издательство «Жибек Жоль», 2007–2009). Презентация нового перевода прошла в Беларуси. Так новый «Путь Абая» дошёл до Минска. И уже в 2020 году он был переведен на белорусский язык. Сразу по выходу первых двух книг романа в переводе писателя с мировым именем Анатолия Кима и начавшегося обсуждения его экспертами – литераторами, учеными, когда свое веское слово в поддержку нового перевода (не без скрупулезных замечаний) высказал Герольд Бельгер, мне удалось побеседовать о нем и с переводчиком – Анатолием Кимом, и с руководителем фонда Муратом Ауэзовым. Думаем, читателям небезынтересно, какие причины подвигли организаторов на новый перевод и как его оценивает Мурат Мухтарович Ауэзов, с каких позиций подходил к переводу Анатолий Андреевич Ким и какие открытия для себя сделал.

Мурат АУЭЗОВ: – В 1945 году на праздновании 100-летия Абая в оперном театре Алма-Аты Мухтар Ауэзов говорил о необходимости праздновать юбилей, потому что они поднимают народный дух, сплачивают народ, не дают прерваться связи поколений. Юбилей Мухтара Омархановича Ауэзова знаменателен прежде всего обращением к наследие великого писателя. В издательстве «Жибек Жоль» вышли первые два тома тетралогии «Путь Абая» в новом переводе Анатолия Кима. В московской серии «ЖЗЛ», а затем и дополненным изданием в Алматы вышла книга Николая Анастасьева «Трагедия триумфатора: Мухтар Ауэзов – судьба и книги». Вышел 30-й том пятидесятитомного собрания сочинений классика. Создан Фонд Мухтара Ауэзова, который определяет своей задачей взять под опеку современного общества произведения выдающихся классиков казахской литературы – Абая, Шакарима, Ауэзова, Магжана Жумабаева, великих джигитов Алашпорды. Мы большей частью знаем сейчас их поименно, знаем в лучшем случае обстоятельства их жизни, но в глубинное содержание побудительных мотивов их действий, их творчества мы не вошли.

Я думаю, фонд поможет и Дому-музею, и Институту литературы им. М. Ауэзова, так как прежде всего крупнейший архив Мухтара Ауэзова требует внимания: бумага истлевает, и 56 тысяч страниц архива нужно переносить на электронные носители – это очень важный проект Дома-музея и Национальной библиотеки. Я ездил по миру, видел фонды, которые эффективно работают на культуру – на ее стимулирование и поддержку. Надеюсь, и у нас это получится. Сейчас появляется возможность сотворить с русского перевода «Пути Абая» то, благодаря чему роман по праву будет известен во всем мире и найдет своего читателя.

По-настоящему еще не исследовано творчество Ильяса Джансугурова. Один пример. Джансугуров и Ауэзов солидарно решали грандиозные по своей значимости задачи – это попытка удержать в национальной памяти рухнувший мир конно-кочевой цивилизации. Трагический финал этой цивилизации происходил на их глазах. Вместе с людьми уходили в небытие мировидение, культура, духовность, этика отношений между людьми. Целая цивилизация, которая на протяжении не менее 2,5 тысячелетий играла ключевую роль на евразийском пространстве. Она переживала трагические события в начале 20 века. Это надо было удержать в сознании, в памяти людей. И это потрясающе сделал Ильяс Джансугуров в своей поэме «Кулагер». Элегичный светлый гимн кочевью, гимн последнему поименованному коню кочевой цивилизации – Кулагеру. Ильяс был человеком, увлеченным новым миром, это видно в его стихах. Но что значит мера интуиции художника, а может быть, и предчувствие трагического финала собственной жизни – он пишет поэму «Кулагер»!

И Мухтар Ауэзов, который великолепно себя зарекомендовал в драматургии, в рассказах, публицистике, научных исследованиях, обращается к жанру крупного эпического произведения. И в итоге создает роман-эпопею «Путь Абая». Это поразительный роман. Представьте, вокруг обезлюдевшая степь, – времена, когда он принимает решение написать этот роман, – а он ее населяет огромным количеством людей. Он восстанавливает в воображении, в фантазиях, в романе, по существу, очень реалистичном, с элементами мистического реализма, этот ушедший в небытие мир.

Сейчас грустно констатировать, что это произведение недостаточно хорошо было переведено на русский язык. Здесь можно понять причины. Ауэзов, как известно, написал сначала две части тетралогии, названные романом «Абай». Он получил за него Сталинскую премию. Но одновременно начались невероятной жестокости критические нападки на этот роман в ближайшем окружении, от людей, с которыми писатель вместе работал, которые прекрасно знали достоинства произведения. Его обвиняли в идеализации патриархального образа жизни, феодально-байской культуры и духовности. Достаточно почитать стенограммы обсуждения литературных проблем 1951–1952 годов. А в те годы критика влекла суровую расправу над писателями. Чтобы защититься, необходимо было срочно перевести роман на русский язык, показать его в Москве.

Мухтар Омарханович не был обделен талантом дружбы, у него были замечательные друзья в русской литературе. Эта дружба сохранилась, прошла через многие годы. Я думаю, здесь была и дань молодым годам, когда он в течение четырех лет учился в Ленинграде. Думаю, он был убедителен, как талантливая, одаренная личность и как этический человек. Он очень многое вообрал в себя в Ленинграде. Анастасьев в своей книге «Трагедия триумфатора» впервые показал, сколь многим обязан Мухтар Ауэзов удивительной, неумиряющей, несмотря на любые исторические обстоятельства, русской культуре. Здесь он формировался как художник, как ученый. И в трудные для него времена, когда речь шла не о его благополучии, а о благополучии самого ценного его детища – романа, он пошел на то, чтобы ускоренно переводить его для русского читателя. Пять человек переводили роман, естественно, все они достойные, талантливые люди, но, по существу, получился бригадный метод. А такой роман, который полифоничен, симфоничен по звучанию, в котором есть и композиционная, и интонационная целостность, – вот эту интонационную целостность пять человек по определению удержать не могли. Да, роман на русском языке крепок по фабуле, по мысли, по фактуре своей, но он далеко не соответствовал мощи и поэтичности оригинала. Ни у кого нет намерения хаять этот перевод. Он свою роль сыграл – разошелся по всему Советскому Союзу и

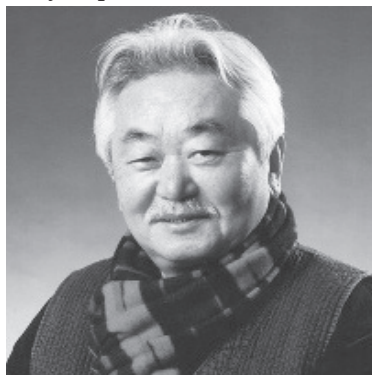
читался везде. Он сослужил свою добрую службу, и мы должны были благодарны людям, которые переводили роман. Но по-настоящему все мы ощущали недостаточность этого перевода. Об этом говорили Абдижамил Нурпеисов, Герольд Бельгер. Николай Анастасьев, работая над жизнеописанием Мухтара Омархановича, со всей остротой поставил этот вопрос, сказав: если бы я не знал масштаба личности Ауэзова, если бы не был знаком со сносно переведенными рассказами, повестями, было бы трудно поверить, что это действительно классик, великолепный художник.

То есть необходимость нового перевода возникла давно. Ведь и мое проживание в стихии казахского и русского языков дает мне возможность сопоставлять, сравнивать. Понимать, что это перевод фабульный, пунктирный, информативный, что поэзия подлинника на русском языке не было. И тут появляется в нашем пространстве Анатолий Андреевич Ким, мы давно дружим, это замечательный писатель, он переводил Оралхана Бокеева, Дулата Исабекова, Абиша Кекилбаева, Тулена Абдикова, дилогию Абдижамила Нурпеисова «И был день... и была ночь» – это тоже большая творческая удача. То есть он субъективно был готов, он тоже не молодым человеком пришел к этой работе, а по-настоящему мастером с огромным опытом и великолепным писательским багажом.

Да, надо было всё это организовывать. Вот здесь-то и родилась идея о самфинансировании этой деятельности, о создании Фонда. И опять же судьба, что мои дети оказались к этой ситуации мировоззренчески готовы. Это была добрая воля моего сына Магжана – начать эту работу. И прежде всего надо было обеспечить настоящий подстрочный перевод. Мы решили принципиально по-новому подойти к этой задаче. Два человека работают: Кайсар Жорабеков, очень тонко чувствующий казахский язык, имеющий свои переводы на казахский, и Мырзахан Тнимов, который много переводит на русский язык. Глава за главой движутся они вместе с Кимом. А Ким свои критерии обозначил, чтобы ни одна деталь не была утеряна, чтобы донести органику первоисточника.

Анатолий КИМ: – Роман Мухтара Ауэзова «Путь Абая» в мировой критике принято считать социальным, на худой конец – биографическим, историческим. Советское литературоведение вообще сводило его к классово-борьбе. Но по сути – это единственный в мире роман о кочевой цивилизации. Тысячелетиями длилась она на земле и вот, можно сказать, на излете, нашла свое воплощение в великом романе. Признаки кочевой цивилизации, ставшие частью казахской ментальности, мы и открываем в романе. И первое – особый тип творческого человека, создателя культурных ценностей, выработанный ею. Кочевники были вынуждены подчиняться циклам природы, они круглый год ходили за солнцем – с летнего жайляу на осеннее, затем на зимовку. Поэтому у них не оказалось ни музеев, ни театров, ни библиотек. Но всё это в их культуре рождалось непосредственно в глубине жизни, все культурные ценности – будь то музыка, поэзия, прикладное искусство – рождались внутри народа. Каждый человек был библиотекой, каждый человек был музейщиком.

Выработался тип творческого человека, чьей основой была импровизация, кто постоянно был в состоянии создания произведений. Мы видим это на примере того, как стихи приходили к Абаю. А когда в импровизации рождается сразу и мелодия, и исполнение – это вообще уникальное явление в мировом искусстве. Выработался особый тип народа, в котором творчество живо в каждом человеке.

Сначала я удивлялся, читая в романе, как на выступление акынов, жырау стекались со всей округи пастухи, скотники, табунщики. Есть ли тут художественная правда, думал я, когда усталая бабушка с внуком на спине прямо летит на этот айтыс, будто без него жизни для нее нет? Но мы видим, как и сегодня искусство импровизации высоко ценится самим народом, понимается всеми людьми. Происходит момент, самый важный в любом творческом процессе, – взаимная связь со слушателем, ведь без обратной отдачи художник не может считать свое произведение завершенным. Через этот роман я понял совершенно уникальную природу поэтично-музыкального творчества кочевой цивилизации, творчества казахов.

Много есть в романе замечательных признаков особенности этой цивилизации. Например, я заметил, что казахи не замечали различий дня и ночи. И западное, и восточное сознание ассоциирует ночь с призраками, разной нечистой силой, поэтому нам, кроме того что спать хочется, еще и страшно. У казахов оживление жизни к вечеру, к ночи. Казах, например, ночью встает и отправляется в путь. Ночью совершались перекочевки. Днем они ставили юрты и кормили скот. То есть у кочевников нет никакого предвзятого отношения к ночи. Люди, живущие в циклах природы, составляют с природой единое целое. А ночь ведь часть природной жизни. И всё это отразилось в романе. Я удивляюсь: как это так – половина всего действия происходит ночью. Это было для меня большим открытием. Я понял всю эту космогоническую философию их жизни, она для меня стала естественной. Но ведь надо еще донести, сделать ее понятной на русском языке представителям иных цивилизаций, художественно оправдать.

Еще меня удивляет приблизительность счета в романе. Вот у Абая родился ребенок, а ему было всего 17 лет, он растерян, ничего не понимает, он убежал из дому. И – пишет Ауэзов – его дома не было два-три дня. Так два или три? Потом приехал бай в гости в сопровождении нукеров. Группа 10-15 человек. В дороге они были 5-7 часов. Или: бедный кочевник должен иметь 30-40 овец, чтобы прокормить семью. Почему такая приблизительность в счете? И я сделал открытие – кочевники не рационалистичны, они исходят не от счета, а от общего впечатления, представления того, что должно быть у человека. У них общее представление о течении времени, а не конкретное, то есть бухгалтерия, цифирь для кочевника была неактуальна. Все оценивается импрессионистски, в общем ощущении – достаточно или недостаточно. А не бухгалтерией. Это опять-таки их жизнь в природе, где тоже нет строгой ясности, всякий раз всё по-другому. Если в один год весна теплая, дружная, то в другой в марте – джут, и всё гибнет. Все реальные ценности исчислялись эмпирически. И этого вы не найдете ни в одной из литератур мира. И Мухтар Ауэзов был единственным и последним писателем, отразившим жизнь и культуру кочевой цивилизации. Его роман – уникальное явление в мировой литературе.

И это не история, не этнография, это живая жизнь. Его персонажи – все живые. Возьмите сцену казни Кодара, когда могучего батыра не смогли повесить на живой виселице, сооруженной из верблюда, и стали сбрасывать по приказанию Куананбая со скалы. Он летит, и Абай видит, как развеваются полы его чапана, словно крылья... Это страшно – и прекрасно. Как в подлинной античной трагедии.

В романе Ауэзова нет мистики, в отличие от западной, славянской или даже современной латиноамериканской литературы. Даже в реалистическом романе Толстого «Война и мир», который я читаю параллельно с переводом, чтобы набраться эпического дыхания, мы встречаем ее элементы, например, сон Андрея. Или сон Анны в романе «Анна Каренина». В «Севастопольских рассказах» – предсмертный поток сознания. Здесь читаю – только одно место, где Абай, уже женатый, вспоминает свою первую любовь, когда к нему во сне пришла Тогжан, как живая, и поет песню. Он просыпается и слышит эту песню.

Он выскакивает с другом из юрты: «Ты слышишь, она поет?.. А я только что видел ее во сне». Единственный момент сверхъестественного. В остальном реализм, где всё объясняется, все причинно-следственные связи прослеживаются. Удивительно. Очень реалистическая энциклопедия народной жизни. И такой художественной силы!

Но больше всего меня поражает интерес к искусству, к айтысам, жырау, я не думал, что интерес такой вот – всеохватный. Нет никого, кто не был им пропитан. Бабушка Зере, мать Абая – Улжан начинают пересказывать эпос, лирические стихи – оказывается, они всё помнят! Сначала я не поверил Ауэзову. Но художественная правда – это та правда, которую художник может доказать в своем творчестве. И он мне доказал, что это так, что бабушка помнит эпическую, а мама – лирическую. Люди являлись живыми библиотеками. Не надо было им учиться на филфаках, чтобы запомнить свою собственную литературу. Вся жизнь была такая, и эта особенность природы и атмосферы искусства, в которую втянуты все, – тоже особенность кочевой цивилизации.

Эта цивилизация ушла, а потомки остались. И они всё несут в себе. Я бываю часто на всяких застольях и вижу: кто-то начинает говорить тост. Плохо понимаю, но смотрю на лица и по лицам знаю, о чем говорит этот человек, – такое внимательное слушание. Искусство слова – оно касается всего народа. Я читал подстрочник и думал: надо же, какой-то пастух, и так искусно говорит. Но, поняв эту особенность народа, я уже не боялся возвеличить его устную речь. Мне только оставалось найти естественность звучания на русском языке.

В старых переводах, в силу обстоятельств времени, отнеслись к этому роману как к социальному, где во главу угла ставилась борьба классов: баи угнетают бедных жатаков. Междоусобные войны, отношения русских властей и местных правителей, борьба бедного с богатыми, ну и чисто биографический роман. Из этих рамок выламывалось всё, что касалось непосредственно стихии и деталей народной жизни. Сколько я через подстрочники восстановил картинное, сколько там отгульных кобылиц было зарезано, сколько валухов, ягнят. Всё это тщательно выписано, и всё это представляет интерес.

Еще интересна персонификация в романе, здесь каждый персонаж имеет имя, даже если он появился на мгновение. У казахов так: встречаются двое – надо узнать, как зовут, кто ты, откуда. В этом выражается степное отношение к каждому конкретному человеку, в отличие от западных цивилизаций с их индивидуалистическим отчуждением, или тоталитарных, где человек – всего лишь винтик. В степи каждый человек был нужен в общей родовой жизни. Людей мало, а пространства много. Человек назван – значит, как бы на этом месте «застолблен». И всё вокруг него уже организовано.

Еще трудность была – всё действие происходит либо в юртах, где никакого движения нет, либо верхом на конях, где сплошное движение. Например, идет напряженный разговор, но в романе сказано, что они «поскакали во весь опор». Для казахов это ничего не значит, они привыкли, что всё это так и происходило, а я перевожу, мне нужна достоверность на русском языке. Поэтому мне придется иногда их «притормаживать» в движении, «придерживать» коней. Пока я нашел эту систему перевода, ушло много сил. Я переводил другие романы известных казахских писателей, но они привязаны к своему времени. А такое универсальное отражение кочевой цивилизации я нашел только у Ауэзова. Для меня это поучительная работа и очень трудная. Я же не эпик, я философский лирик. И я всерьез думал: надорвусь. Но сейчас дело остается только за временем. Самое тяжелое было набрать, определить словесную стихию, лексический уровень, словарный запас на русском языке. Но всё равно иногда думаю: как я могу с этим справиться?

Мурат АУЭЗОВ: – Мы получили достаточно точный и вдохновенный перевод. Главное – перед нами целостное произведение. Анатолий Ким – мудрый человек, философ, замечательный художник. И он стратег. Он концептуально для себя смог простыми, но важными словами очень точно определить главную суть. Он говорит: первые две книги – это триумф Абая, а третья и четвертая – это трагедия Абая. Вроде простая констатация, но она многое определяет в той самой инкрустации, нюансах, оттенках звучания слов, определяет импульсы, как это всё будет разворачиваться. Только стратегически мыслящий человек мог это выстроить. Ведь в третьем и четвертом томах особые сложности стоят перед переводчиком. Роман писался в идеологически жестокое время. Мухтар Ауэзов на высочайшем художественном уровне осуществил свои задачи. Но когда он идет на уступки идеологического свойства, он компенсирует свое видение в художественных деталях, подтекстах. Эти художественные детали являются прибежищем для его души. В этом смысле дать адекватный перевод, по-настоящему прочитать третий и четвертый тома, чтобы они были в гармоничном единстве с первыми двумя книгами – это особенная творческая задача.

И параллельно я сам впервые стал не фрагментарно, не эпизодически, а целостно и вдумчиво размышлять о феномене Мухтара Ауэзова. Я стал писать о нем. И меня это сейчас необыкновенно увлекает. Хочется возбудить новое внимание к событиям девятнадцатого века, к нашей национальной классике. А что такое девятнадцатый век? – это прощальный бал конно-кочевой цивилизации, так пышно, так красиво воспрянувшей в канун краха. Это замечательные певцы, состязания батыров, национальные игры, праздники, сцены охоты, ритуалы похорон, много чего можно найти. Казахский дух будет вливаться через этот перевод. Многие наши ребята выросли в городе, и сейчас весь этот этнический мир они имеют возможность ощутить. И не только казахи, все казахстанцы. Это же культура, которая тысячелетия вырабатывалась здесь – культура орнаментики, убранства юрт, эстетических и этических представлений. Всё это в романе есть, всё это осознанно подбиралось, чтобы оно не ушло в небытие, а передавалось из поколения в поколение. Это бесценный дар, который извечно будет подпитывать людей этой земли.

Нам нужно всем вместе вернуться к нашей классике, потому что бывают временные периоды, когда слова тускнеют, становятся плоскими, люди, читатели забывают, что художественность текста – это очень редкое и высокое свойство человеческого слова. Всеобщая политизированность как бы катком по слову прошлась, и слова сплющились... Но люди остаются людьми, и поэтому ностальгия по этим цветам словесности в них живет. Сейчас, мне кажется, настало время ощутить себя подпитанными, – как бывают люди, подпитанные высокой музыкой, – высоким словом. Прошло десятилетие, которое вмещает в себя события столетние, – страна, общество себя по-другому ощущают. И нужны такие опорные вещи для движения в будущее в этом меняющемся мире, когда идет поиск путей. Наша классика духовная такой мощной опорой и является.

И роман «Путь Абая» – это не просто минувшие времена и прекрасно рассказанная история девятнадцатого века. Нет, там человеческие страсти, многие будут себя узнавать, не всем будет уютно это узнавание. Там есть правда человеческих отношений, обнажены и расставлены акценты: что есть добро, что есть зло в человеке. Это целый мир. Это роман, который в состоянии нашего растерянного современного человека, когда происходит сбой ценностей, к ним вернуть. Произведения такого уровня входят в человека и переименовывают его. Люди крепнут душой, идет личностное наполнение. Это не реклама русскому переводу книги. Вовсе нет. Я просто предвижу, как он пойдет. Он будет востребован. И пусть сейчас поколение электронных версий, я знаю книги, которые и сейчас передают из рук в руки. «Путь Абая» – из таких книг.